

Грешилова Анна Валерьевна

РУССКАЯ АРХАИКА В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ "КЫСЬ" И В ДИЛОГИИ В. Г. СОРОКИНА "ДЕНЬ ОПРИЧНИКА" И "САХАРНЫЙ КРЕМЛЬ"

В статье сопоставляются роман Т. Н. Толстой "Кысь" и дилогия В. Г. Сорокина "День опричника" и "Сахарный Кремль". При том что в целом художественные стратегии Толстой и Сорокина различаются довольно существенно, между романом и дилогией возможен ряд неожиданных параллелей: оба автора обращаются к проблеме русской ментальности. Особое внимание в статье уделяется архаическим моделям, поскольку они оказываются базовыми для конструирования образа национального мира и у Толстой, и у Сорокина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

В статье сопоставляются роман Т. Н. Толстой «Кысь» и дилогия В. Г. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль». При том что в целом художественные стратегии Толстой и Сорокина различаются довольно существенно, между романом и дилогией возможен ряд неожиданных параллелей: оба автора обращаются к проблеме русской ментальности. Особое внимание в статье уделяется архаическим моделям, поскольку они оказываются базовыми для конструирования образа национального мира и у Толстой, и у Сорокина.

Ключевые слова и фразы: Татьяна Толстая; «Кысь»; Владимир Сорокин; «День опричника»; «Сахарный Кремль»; русская архаика; образ национального мира.

Грешилова Анна Валерьевна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
annagreshilova@gmail.com*

РУССКАЯ АРХАИКА В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ» И В ДИЛОГИИ В. Г. СОРОКИНА «ДЕНЬ ОПРИЧНИКА» И «САХАРНЫЙ КРЕМЛЬ»

Т. Н. Толстая и В. Г. Сорокин – одни из наиболее видных современных писателей, и до последнего времени их творческие пути не пересекались. Но в произведениях В. Сорокина второй половины 2000-х годов стали намечаться тенденции, позволяющие проводить параллели с Т. Толстой. В частности, Сорокин также обратился к национальной проблематике, то есть кардинально изменил вектор своего творчества.

Сходство литературной стратегии Т. Толстой и В. Сорокина сразу было замечено литературными критиками. Например, Е. Погорелая пишет, что «Сорокин задумывает свою эпопею, творит государство – населенное, как и полагается после крушения, разнообразной нечистью и отброшенное в “дурную бесконечность” истории, в архаику, в мифологический круг. В подтексте просвечивает, искрит, усмеяется страшная “Кысь”» [5]. Б. Парамонов также обнаружил параллели между «Кысью» и дилогией именно в сфере архаического мифа: «Отмечу интересное литературное совпадение. Прием Сорокина в этой книге – сворачивание всех русских времен и эпох в некоем вечном настоящем, во времени мифа – прием тот же, что в “Кыси” Татьяны Толстой» [4]. Б. Парамонов и Е. Погорелая у обоих авторов воспринимают образ архаического мира в качестве модели национального мира – и, действительно, Толстая и Сорокин ставили перед собой подобные художественные задачи и, более того, пришли к похожим результатам.

Так, общим для национальных миров Толстой и Сорокина является отношение к насилию. «В... эссе... “Большой и малый террор” Толстая прямо выводит советский террор из культуры насилия, укорененной в “русском мире”» [1, с. 391], – пишет М. Н. Липовецкий. «Очевидно, что, изображая в “Кыси” посткатастрофический “русский мир”, сохраняющий свои, по мнению Толстой, общие и вневременные черты, писательница не могла обойти важный сюжет “малого террора”» [Там же, с. 392]. В качестве примеров Липовецкий приводит размышления Бенедикта о любимых коллективных играх, радость от которых заключается в чужом увечье: «Конечно, ясное дело, ежели мне кто член какой повредит, урон тулову причинит, это не смешно, это я осерчаю, спору нет... А если другому – тогда смешно» [12, с. 148-149]. Однозначная оценка «чужого» как отрицательного и не заслуживающего особенного внимания – это следствие такой архаической черты, как мышление бинарными оппозициями, в данном случае – мышление в рамках оппозиции «свой – чужой»: «Чужой он и есть чужой. Что в нем хорошего? <...> А свой – он теплый... Свой – он немножко как ты сам» [Там же, с. 41].

Пренебрежение к личности в частной жизни приводит к нормативности насилия и на государственном уровне: в социуме голубчиков есть «каста» санитаров, которые воспринимаются как власть исключительно за счёт права на насилие, никаких других актуальных функций у них нет. Формально говоря, раньше они забирали на «лечение» тех, кто держит у себя сохранившиеся после Взрыва книги: книги были радиоактивными, но на момент повествования «лечение», как поясняет Бенедикту Варвара, – «это традиция» [Там же, с. 124], поскольку ни о какой радиации речь уже не шла. Скорее всего, функция «лечения» изначально была формальной и связывалась с бессознательно воспроизводимыми репрессивными практиками – такое предположение можно сделать, если учесть количество заимствованных из советской культуры моделей и ритуалов.

Найти подобного рода негативные поведенческие стратегии можно и у Сорокина, но по большей части на уровне государственном. В центре повествования – достаточно жуткий образ опричной братии, что, как это ни парадоксально, обусловлено во многом современным контекстом: нынешние радикальные традиционалисты и националисты последовательно реабилитируют именно образ Ивана Грозного. Например, подобных взглядов придерживался митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв), который считал, что репрессивная система опричнины была едва ли не самым важным и необходимым нововведением в средневековой Руси: «И царь Иоанн IV все силы отдал тому, чтобы “настроить”... сословный организм Руси, как настраивают музыкальный инструмент, по камертону православного вероучения. Орудием, послужившим для этой нелегкой работы, стала опричнина» [3]. По мнению Снычёва, эти социальные модели Руси XVI века весьма актуальны для постсоветской России, и в дилогии, несмотря на очевидно манифестируемую анахроничность деталей эпохи Ивана Грозного, репрессивная власть опричнины оказывается более чем реальной.

В качестве другого важного принципа национального мышления у Толстой и Сорокина можно выделить враждебность по отношению к незнакомцу и всему незнакомому вообще. Так, в «Кыси» агрессивный жест голубчиков по отношению к иностранцам расценивается Бенедиктом как совершенно адекватный: «Раз так двое с юга подступили к городку: старик со старухой... Ну, мы, – кто посмелей, – вышли им навстречу с ухватами, веретенами, кто с чем. Что, дескать, за люди и зачем пожаловали» [12, с. 8-9]. В рамках тех же тенденций можно расценивать отсутствие у голубчиков желания выйти за пределы своего городка, что изображается комически: «На запад тоже не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть – невидная, вроде тропочки. Идешь-идешь... все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду-то? Чего мне там надо? Чего я там не видел?» [Там же, с. 8]. Рассматривая подобного рода «изоляционизм» как «нормативный» способ мышления в социокультурной ситуации, напоминающей каменный век или раннее Средневековье, Толстая указывает таким образом на архаичность советского железного занавеса и постсоветских мифов об «особом пути» России, которые считает националистическими: «Для меня русский национализм, национал-патриотизм ужасен... главным образом потому, что его идея и цель – замкнуть русский мир на самого себя» [11, с. 402].

В диалогии Сорокина наблюдается аналогичное явление: общегосударственное выстраивание Великой Русской Стены. Как и у Толстой, этот образ можно рассматривать в качестве аллюзии на попытки восстановления железного занавеса, символа изоляционистской политики СССР, и на изоляционистские настроения постсоветских традиционалистов. Например, комплекс идей Иоанна Снычёва имеет типологическое сходство со схемой мышления сорокинских персонажей – митрополит заявлял об «особом пути» России как Третьего Рима [3]. Для Сорокина сама эта идея напрямую связана с изоляционистскими настроениями: по его мнению, Великая Русская Стена уже сейчас «возведена в головы. Это два тезиса: у нас особый путь. И – нас окружают враги» [6].

Оба изоляционистских тезиса комически реализуются, например, в монологе московской школьницы Марфуши о Европе: «Ведь за Стеною Великой – киберпанки окаянные, которые газ наш незаконно сосут, католики лицемерные, протестанты бессовестные... и технотроны беспощадные, и садисты, и фашисты» [9, с. 36].

Следующей характерной чертой русского мышления, по Толстой и Сорокину, являются особые представления об отношении частного человека и власти. Их можно обобщить с помощью бенедиктовой «концепции» «государственного подхода» и «своеволия».

«Государственный подход» – это, во-первых, стратегия патернализма. Складывается образ народа-ребёнка, которому нельзя позволить даже прийти на Склад за крышками, поскольку голубчики «друг друга поубивают, крышек наташат сколько повезет... а опосля в избе сидят, смотрят чего набрано, сами в ум не возьмут: а чего с ними делать-то?» [12, с. 62]. Они так себя и позиционируют по отношению к мурзе: «Доброго здоровьчика, долгих лет тебе жизни, Варсонофий Силыч, кормилец ты наш ненаглядный... Что б мы без тебя пили-ели, родной ты наш, золотишка ты наша слатенькая!» [Там же, с. 64].

В диалогии Сорокина патерналистские тенденции также очевидны, их вербализует один из опричников: «...все мы – дети Государевы, и все имущество наше ему принадлежит! И вся страна – его!» [7, с. 209]. Комяга позиционирует себя по отношению к Государю примерно так же, как голубчики – по отношению к мурзе: «Ну, да не нашего ума это дело, а Государева. Государю из Кремля народ виднее, обозримей. Это мы тут ползаем, как воши, суетимся, верных путей не ведая» [Там же, с. 103].

Во-вторых, «государственный подход» – это создание образа власти как привилегированного общественно-государственного института, как высшего сословия. На личностном уровне – это нарочитое акцентирование социальной дистанции между властью и простым голубчиком, воспринимаемое обоими как норма: «...смотришь хмуру, и пасть кривишь на сторону... А это по должности. Должность у служивого человека такая... Когда вот эдак-то, по-государственному, к делу подход имеешь, тут тебе и от людей уважение» [12, с. 20-21]. Ту же расстановку сил в отношениях власти и народа можно наблюдать в диалогии Сорокина. Опричник Комяга считает нормативной для себя как для представителя власти стратегию агрессивного доминирования: «– На колени, сиволапы! – В такие мгновенья все сразу видно. Ой, как видно хорошо человека русского...» [7, с. 23].

На структурном уровне государственный подход – это непрозрачность, абсурдность действий, обусловленная тем, что, собственно, о людях и их интересах власть мало заботится; Бенедикт это называет «вывертом». Например, октябрьский выходной празднуется в ноябре в соответствии с советской традицией, о которой Бенедикт ничего не знает. И показательна его интерпретация: герою кажется очевидным и правильным, что мурзы поступают так, как удобнее им, а не людям, то есть устраивают пересчёт населения в дождливую и холодную погоду, чтобы голубчики не разбрелись по делам [12, с. 114].

«Выверт» государственной системы есть и в Возрождённой Руси: это, например, эпизод с китайскими торговцами, где опричники с помощью сложных, нарочито малопонятных для читателя манипуляций взимают лишние проценты с таможенного налога. Также «вывертом» Комяга объясняет фактическое отсутствие выбора продуктов, обусловленное Великой Русской Стеной: «...народ наш, богоносец, выбирать из двух должен, а не из трех и не из тридцати трех. Выбирая из двух, народ покой душевный обретает, уверенность в завтрашнем дне напитывается, лишней суеты беспокойной избегаает, а следовательно – удовлетворяется» [7, с. 103].

Понятие же своеволия, также общее для рассматриваемых художественных миров, – это любые проявления индивидуализма, воспринятые сквозь призму патерналистского сознания.

Бенедикт замечает «своеволие» у Перерожденцев, поскольку они на социальной лестнице находятся ступенью ниже. Ещё чаще «своеволие» проявляют голубчики и Пржежие: это привычка матушки «запирать» дверь; это указатель, поставленный Никитой Иванычем; восстановление «МОЗЕЕВ»; перешивание и переписывание книжек для себя, а не для государства; курение гогнобеля; любые претензии к мурзе; веточка

вербы в Рабочей Избе; мечтание Ксени-сироты вслух о том, чтобы женщин любили и поздравляли каждый день, а не только 8 марта. Своеволие – это всё, что для голубчиков «в Указе... не указано» [12, с. 113].

Своеволие Бенедикт не отмечает только у представителей власти: в его представлении это как раз те люди, которым своеволие позволено. Своеволие тесно связано со стратегией патернализма, к этому приходит сам Бенедикт в результате своей инволюции от простого голубчика к Заму по делам морским и окянским: «Нет! Нельзя людям доверять. Да чего там: отобрать их [книги] и все дела... Вдруг почувствовал: понимаю государственный подход!!! Сам, без указа, – понимаю!!!» [Там же, с. 306].

В дилогии Сорокина иерархизм мышления проявляется не менее очевидно. Так, граф Урусов оказывается в опале не за пристрастие к насилию на пожарах, а за то, что один из пожаров устроил сам, проявил своеволие, позволил себе слишком вольное, не по чину, обращение с имуществом: «Ты думаешь, за что на тебя Государь осерчал? <...> Ты государственное имущество жег. Стало быть, против государства пошел» [7, с. 208]. Понятие своеволия в «Дне опричника» и «Сахарном Кремле» выражается словом «крамола»: так, Комяга называет крамольными свои мысли о том, что Государь без опричнины бы не справился, крамола – это стихи против графа Урусова (правдивые, но крамольные, поскольку они направлены против государственного мужа), крамолен Новгород, а радиостанцию «Запад» Комяга называет «оплотом главной крамолы антиросийской» [Там же, с. 78].

Весьма характерной для авторитарного мышления в «Кыси» и дилогии Сорокина оказывается также и сакрализация образа власти.

Так, в романе Толстой Набольший Мурза Фёдор Кузьмич – фигура буквально мифологическая для простых голубчиков: Бенедикт пересказывает миф, согласно которому Фёдор Кузьмич добыл огонь, топнув «ножкой», «и на том месте земля и загорись ясным пламенем» [12, с. 25].

Однако сам Фёдор Кузьмич пренебрегает сакрализацией: для создания своего образа вместо тайны и авторитета он использует миф Петра I о царе-труженике, ибо в своих указах частично воспроизводит некоторые его автодефиниции: «Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник» [Там же, с. 111]. Со стороны Фёдора Кузьмича это невольная попытка быть более демократичным, в противоположность большинству голубчиков, у которых гораздо более популярны «восточные» формулировки: обычное именование чиновника – мурза, захвативший власть Главный Санитар называет себя «Кудеяр-Паша» [Там же, с. 310], а возвысившийся перерожденец Тетеря выбирает себе статус «Петрович-сан» [Там же].

И хотя Фёдор Кузьмич явно позиционировал себя патерналистски по отношению к голубчикам, без сакрализации и социальной дистанции подход получился «не государственный», что и отмечает Бенедикт, которому Набольший Мурза позволил сидеть в своём присутствии: «Вроде как ты, простой голубчик, Набольшему Мурзе ровня: ты сидишь, и он сидит; он тебе слово, ты ему слово. Не дело это» [Там же, с. 69]. А вот Главный Санитар, захвативший власть в финале романа, «государственный подход» понимает, как и Государь из «Дня опричника» и «Сахарного Кремля»: оба правителя – жёсткие и демонстративно властные.

Любопытно, насколько в сознании верноподданных «Кыси» и «Дня опричника» совпадают государственные ассоциации сакральности: «...а где тайна, там и служба государева», – говорит Бенедикт [Там же, с. 26], «Государева воля – закон и загадка» [Там же, с. 37], – вторит ему опричник Комяга. Собственно, все малые мурзы не лишены опричного начала, а постаревший Бенедикт и новая власть санитаров представляют, по сути, некий предельно примитивный и смягчённый аналог опричнины.

В итоге такие архаические стратегии мышления, как жесткая оппозиция своего и чужого, патернализм или сакрализация образа власти оказываются общими для «Кыси», «Дня Опричника» и «Сахарного Кремля»: в выделенных аспектах между текстами Толстой и Сорокина выстраиваются очевидные параллели. Но если рассматривать эти архаические черты в рамках художественных концепций авторов в целом, то можно обнаружить и очевидные различия. Например, сакрализация образа власти имеет в творчестве Толстой и Сорокина разный контекст: в «Дне Опричника» и «Сахарном Кремле» она прежде всего связана с крайне болезненной для писателя темой насилия. По мнению Марка Липовецкого, Сорокин в дилогии именно неорационалистский дискурс дискредитирует «как дискурс священного насилия» [2, с. 232]. Перед тем, как уничтожить имение столбового, опричники стучат дубинами по решёткам и стенам, трижды повторяют «Гойда!» [7, с. 25] и обходят дом по солнцевороту. То есть насилие оформлено условно-ритуально: обход «посолонь» – скорее языческий элемент и используется в огромном количестве различных ритуалов. Суть этого ритуала не в следовании какой-либо определённой религиозной традиции, а в символической сакрализации глобального государственного вмешательства в жизнь подданных. Подобного рода обобщения можно обнаружить не только в дилогии – Сорокин часто, говоря о привычности насилия для отечественной власти, использует при этом мистические метафоры: «Государство требует от народа сакральной готовности к жертвоприношениям» [10]. Возможно, дискредитация этих архаически жестких властных стратегий – как и насилия в целом – оказывается одной из основных художественных задач Сорокина.

Для Толстой же сакрализация образа власти, деструктивная сама по себе, существует в достаточно продуктивном контексте мифологизации как таковой: русский мифологизм писательница рассматривает как по-своему более глубокий способ мышления, чем, например, рационализм западноевропейского типа. В этом аспекте европейские модели менее близки Толстой, чем русские: «Что там (на Западе. – А. Г.) страшно? Ты понимаешь, что ты – шаман на каком-нибудь корпоративе у финансистов. Каково ему? Примерно так чувствуешь себя на Западе» [13, с. 464]. Для построения антитезы между Россией и Западом писательница выбирает именно образ шамана – служителя языческого культа, то есть мифогенное восприятие оказывается самым существенным и ценным свойством русской ментальности.

Таким образом, в текстах Толстой и Сорокина частично совпадают скорее негативные аспекты национальной архаики. Продуктивные же её проявления в романе «Кысь» связаны с разного рода особенностями мифологического мышления, а в дилогии Сорокина располагаются скорее в эстетической плоскости. Переживание эклектической красоты русской архаики оказывается одним из способов существования внутри национального мира: «Описывать этот мир, искать для него метафору – тоже спасение. А для писателя здесь – Эльдorado. Гротеска всем хватит!» [8].

Список источников

1. Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 848 с.
2. Липовецкий М. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 120. С. 225-242.
3. Митрополит Иоанн (Снычёв). Быть русским! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/ioannsp2/Main.htm> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Парамонов Б. М. Век опричника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/271861.html> (дата обращения: 02.05.2017).
5. Погорелая Е. Marche funèbre на окраине Китая [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/ро4.html> (дата обращения: 03.05.2017).
6. Сорокин В. Г. Гротеск стал нашим главным воздухом [Электронный ресурс] // Colta. 2012. 15 ноября. URL: <http://www.colta.ru/docs/9285> (дата обращения: 04.05.2017).
7. Сорокин В. Г. День опричника. М.: Захаров, 2009. 224 с.
8. Сорокин В. Г. «Для писателя здесь – Эльдorado» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/vladimir-sorokin-dlya-pisatelya-zdes-eldorado.html> (дата обращения: 03.05.2017).
9. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. М.: Астрель; АСТ, 2008. 349 с.
10. Сорокин В. Г. Темная энергия общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/spiegel.shtml> (дата обращения: 03.05.2017).
11. Толстая Т. Н. День. Личное. М.: Подкова, 2002. 384 с.
12. Толстая Т. Н. Кысь. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
13. Толстая Т. Н. Легкие миры. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.

**THE RUSSIAN ARCHAIC CHARACTER IN T. TOLSTAYA'S NOVEL "THE SLYNX"
AND IN V. G. SOROKIN'S DILOGY "DAY OF THE OPRICHNIK" AND "KREMLIN MADE OF SUGAR"**

Greshilova Anna Valer'evna
Lomonosov Moscow State University
annagreshilova@gmail.com

In the article the novel by T. N. Tolstaya "The Slynx" and V. G. Sorokin's diology "Day of the Oprichnik" and "Kremlin Made of Sugar" are compared. While in general the artistic strategies of Tolstaya and Sorokin differ quite significantly, a number of unexpected parallels are possible between the novel and the diology: both authors refer to the problem of the Russian mentality. Particular attention is paid to the archaic models, since they are the basis for constructing the image of the national world both for Tolstaya's and Sorokin's works.

Key words and phrases: Tatyana Tolstaya; "The Slynx"; Vladimir Sorokin; "Day of the Oprichnik"; "Kremlin Made of Sugar"; Russian archaic character; image of national world.

УДК 821.161.1

В данной статье рассмотрены причины и тенденции эволюции исторической прозы в XIX-XXI веках. Охарактеризована новая стратегия репрезентации исторического материала в дискурсе XXI в. Выявлены характеристики читательской аудитории, определяющей содержание и форму современной исторической прозы. Рассмотрены основные черты исторической беллетристики как ее наиболее актуального направления. Описаны конспирологический и контрфактический принципы воплощения авторской концепции истории.

Ключевые слова и фразы: литература и история; русская литература XXI века; методы репрезентации истории; историческая беллетристика.

Лобин Александр Михайлович, к. филол. н., доцент
Ульяновский государственный технический университет
atlobin@yandex.ru

**БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК МЕТОД
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА**

Художественная историческая проза возникла в начале XIX века. Наиболее популярным и универсальным средством репрезентации истории для этого жанра стал метод художественно-исторический, в основе